

ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СРЕДЫ: ВОСПРИЯТИЕ СВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕССОНОВ

(Независимый исследователь: Российская Федерация, г. Москва)

***Аннотация.** В статье анализируется отношение воцерковленных православных людей к популярным в России светским праздникам: Новый год, 23 февраля, 8 Марта, День Победы. Традиция празднования большинства этих дат возникла в годы советской власти, во многом как альтернатива традиционному церковному календарю. По этой причине православные люди достаточно критически отнеслись к новым, введенным сверху, традициям, причем подобное отношение продолжало сохраняться и после крушения Советского Союза.*

В статье последовательно рассматривается восприятие каждого из светских праздников. Новый год как главный праздник года сложился в 1930-е гг. в результате переосмысления традиционного городского празднования Рождества Христова. По этой причине (а также из-за того, что в результате различия между юлианским и григорианским календарями этот праздник выпадает на Рождественский пост) отношение к Новому году в православной среде традиционно было и остается достаточно сдержанным: как правило, его празднование ограничивается скромным семейным застольем. 8 Марта, праздник революционного женского движения, в послевоенные годы ставший в СССР общепризнанным «женским днем», вызывает еще большее неприятие — как правило, православные женщины не празднуют 8 Марта. В православной среде существует альтернативный дню 8 Марта «православный женский день» — Неделя жен-мироносиц. Восприятие этой даты как женского праздника происходит из народной традиции, в XX в. переосмысленной как альтернатива 8 Марта. 23 февраля, по новой традиции рассматриваемое как парный 8 Марта «мужской праздник», воспринимается в православной среде менее негативно, однако акцент в восприятии этого дня делается на его значении как профессионального дня армии. Восприятие 9 мая, праздника, исторически не связанного с коммунистической идеологией, в православной среде не отличается от характерного для остальных россиян.

***Ключевые слова:** православие, праздники, Новый год, 8 Марта, 23 февраля, Неделя жен-мироносиц.*

Темой статьи является восприятие светских праздников, сложившееся в современной православной среде в начале 2010-х гг. Мы рассмотрим те праздничные дни, которые так или иначе отмечаются большинством россиян. Это Новый год, 23 февраля, 8 Марта и День Победы. Мы не будем останавливаться на госу-

дарственных праздниках, которые пока не воспринимаются большинством как повод для празднования и поздравлений (День России, День народного единства), а также на новых праздниках, заимствованных из Европы и США и популярных в молодежной среде (День св. Валентина, Хэллоуин). Материалами для статьи пре-

имущественно послужили результаты интервью и анкетирования, проведенных автором в Москве¹.

Вопрос о том, кого в современной России следует считать православным, уже давно является предметом дискуссий. Многие исследователи используют термин «прихрамовая среда», введенный А. В. Тарабукиной [Тарабукина 1999]. По нашему мнению, он не вполне удачен: его внутренняя форма в первую очередь вызывает ассоциации с работающими в церкви мирянами, но не с духовенством или рядовыми прихожанами. В своем диссертационном исследовании мы использовали более широкое определение — «религиозная православная среда» [Бессонов 2010], термин, объединяющий православное духовенство и верующих мирян, тех, кого в современном русском языке именуют «воцерковленными людьми». В дальнейшем мы также будем говорить о «православной среде», «церковной среде», используя эти словосочетания как синонимы, «религиозной православной среды».

Наши материалы, будучи записанными от воцерковленных людей, имеют некоторую социальную специфику: подавляющее большинство информантов являются городскими жителями с высшим образованием. Среди них есть и представители духовенства, и члены их семей. Таким образом, описанная в статье ситуация относится к образованной городской среде. Возможно, что восприятие светских праздников в современной сельской и простонародной православной среде имеет свои особенности, но это тема отдельного исследования.

Рассмотрим причины неоднозначного восприятия светских праздников в религиозной среде. Наиболее популярные светские праздники достались современному обществу в наследство от советской эпохи. Важнейшей особенностью советского праздничного календаря было его резкое противопоставление православным традициям дореволюционной России, которые рассматривались как пережиток старого быта и подлежали искоренению.

Соответственно отношение религиозных людей к насаждаемой сверху новой советской праздничной культуре также оказывалось отрицательным: православные люди стремились сохранить дореволюционные русские традиции. После краха Советского Союза ситуация претерпела существенные изменения. Сложившийся в советскую эпоху календарь светских праздников окончательно потерял всякий идеологический смысл; наиболее идеологизированные даты (7 ноября) постепенно исчезли из календаря, другие праздники, изначально воспринимавшиеся как советские (23 февраля, 8 Марта), превратились в нейтральные поводы для застолий и поздравлений дома и на работе. В это же время произошло возрождение церковной жизни на территории бывшего СССР; в Церковь пришло множество людей, для которых советские праздники уже давно стали семейной традицией. Все это, казалось бы, должно было смягчить отношение церковной среды к светским праздникам. В реальности, однако, все обстояло иначе: вопрос о допустимости и уместности празднования светских праздников на протяжении 1990–2000-х гг. оставался предметом острых дискуссий в православной среде. С одной стороны, принципиальный отказ от празднования многих светских праздников в это время уже стал непонятным, т.к. их «революционное» и «советское» происхождение было уже основательно забыто. С другой — традиция неприятия советских праздничных дат была воспринята массой людей, пришедших в Церковь в 1990-е гг.; она стала одной из характерных особенностей самоидентификации воцерковленных православных людей, таким образом отделяющих себя от светского общества. Кроме того, стали очевидны объективные сложности совмещения церковного и светского праздничных календарей, согласования светских праздников как с ритмом церковной жизни, так и с православным мировосприятием.

Первым и, пожалуй, наиболее значимым праздником в современной России является Новый год. Такая ситуация

¹ Неоценимую помощь в поиске материалов для статьи оказала Е. Осипова, собравшая большое количество анкет в г. Долгопрудном Московской обл. Также использованы материалы, записанные автором во время экспедиции Государственного республиканского центра русского фольклора в г. Галиче Костромской обл., и материалы, размещенные в сети Интернет. Все материалы хранятся в личном архиве автора статьи.

сложилась относительно недавно — в годы советской власти. В Российской империи Новый год не играл важной роли в календаре праздников. Как и в Европе, он явно отгеснялся Рождеством и Святками, являясь частью целого цикла зимних праздников. Празднование Рождества тоже далеко не сразу вошло в быт россиян. Оно не было характерно для русской традиции до середины XIX в.: «В быту праздновали Святки, а церковь отмечала Рождество» [Душечкина 1995, 145]. Традиция светского празднования Рождества распространилась среди городского населения под влиянием европейской — немецкой и английской — культуры. Рождественская елка пришла в Россию от петербургских немцев, а традиция сентиментального святочного рассказа² возникла под влиянием творчества Ч. Диккенса [Там же, 144–146]. На протяжении второй половины XIX в. празднование Рождества в российских городах всё более приближалось к европейским моделям, хотя и претерпевшим определенную русификацию (возникновение образов Деда Мороза и Снегурочки, появление «лесной темы» в рождественской литературе) [Душечкина 2002, 129–139]. Введение этих образов и мотивов делало характер праздника еще более светским, подготовив его будущую трансформацию в советское время. Характерно, что Православная церковь достаточно критически относилась к следованию европейской традиции празднования Рождества.

На первое место Новый год начинает выдвигаться только в советскую эпоху. Это произошло по двум основным причинам: антирелигиозной политики советской власти и введения гражданского календаря. В 1918 г. советское правительство ввело в стране григорианский календарь, но Православная церковь сохранила в качестве богослужебного календаря юлианский, в результате чего православное Рождество стало праздноваться после гражданского Нового года. Таким образом, первым зимним праздником стал Новый год, что, несомненно, сыграло определенную роль в его закреплении в качестве главного зимнего праздника. Еще более важную роль играла политика государства: в середине 1930-х гг.

власти отошли от первоначальной борьбы с традициями городского празднования Рождества, связав их с новогодним праздником. Началом новой политики стала «реабилитация» елки, ознаменованная публикацией в «Правде» заметки П. П. Постышева «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!» накануне новогодних праздников 1936 г. Комплекс городских рождественских традиций, связанных теперь с Новым годом, вводился чуть ли не принудительно, охватив не только традиционно знакомые с этим праздником русские и украинские города, но и село, и национальные окраины. Это проведение елок, детских праздников, семейный характер празднования. К Новому году в советской массовой культуре была приурочена традиция сентиментального святочного рассказа: «чудо рождественской ночи» в нем заменилось «чудом новогодней ночи». Характерным примером такого использования традиционной сюжетной схемы в новых исторических условиях можно назвать фильм Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром», ставший одним из главных атрибутов советского и российского Нового года. Традиция новогоднего праздника пережила крах СССР и продолжает в почти неизменном виде бытовать в современном российском обществе. Мы точно так же видим продолжение святочной традиции в российском кино, а семейное празднование Нового года является важным событием для большинства россиян.

В советское время критическое отношение Православной церкви к светскому празднованию Рождества окончательно потеряло свою актуальность. Напротив, сохранение традиционного городского празднования Рождества стало одним из способов духовной оппозиции сталинскому режиму. Так, Т. П. Милютина вспоминает о праздновании Рождества и рождественской елке в сталинском лагере [Милютина 1997, 210]. В послевоенное время дореволюционная традиция празднования Рождества продолжала бытовать в православной среде: в 1960–1980-е гг. ярославский митрополит Иоанн «на второй день Рождества Христова устраивал

² Традиционно со Святками в русской культуре были связаны «страшные рассказы». Влияние Ч. Диккенса породило «сентиментальный рассказ», который можно также назвать «рождественским» [Кучерская 1997, 12].

у себя елки для детей своих сотрудников и сослуживцев» [Ардов 2006, 210]. Таким образом, Русская православная церковь на протяжении XX в. сохраняла городскую традицию празднования Рождества, связанную в советской культуре с Новым годом. Напротив, отношение к Новому году в церковной среде оставалось более сдержанным. Н. Н. Соколова, супруга священника, вспоминала, что когда в 1950-е гг. «в школах уже все отпраздновали новогоднюю елку <...> дома я елочку долго не ставила. Я говорила детям: “Сейчас последняя неделя Рождественского поста. Наш христианский праздник еще не наступил. Будем же послушны уставам Православной Церкви, веселиться и праздновать Рождество Христово будем 7-го января. Накануне Сочельника и мы поставим елочку в доме”» [Соколова 1999, 273–274]. Тем не менее, светская культура все равно оказывала влияние на быт православной среды, которое усилилось в годы Перестройки, когда в Церковь пришло много людей, привыкших воспринимать Новый год как главный семейный праздник.

Современный Новый год плохо сочетается с укладом жизни православных людей, так как из-за разницы гражданского (григорианского) и церковного (юлианского) календарей он приходится на Рождественский пост. С другой стороны, само празднование Нового года возникло в качестве светской замены Рождества, и люди, воспринимающие как главный зимний праздник Рождество, придают уже меньшее значение Новому году. Дополнительную антипатию у православных людей вызывают популярные концерты и всеобщее употребление алкоголя в новогоднюю ночь. Определенную скандальность этой ситуации придает то, что 1 января приходится на день памяти св. Вонифатия, которому в православной традиции принято молиться об исцелении от алкогольной зависимости.

Несмотря на все это, большинство современных православных россиян празднуют Новый год. Многие делают это в силу устоявшейся семейной традиции, другие — за компанию со своими более светскими родственниками, третьи — потому что было бы скучно не праздновать, когда веселится вся страна. В отзывах большинства людей подчеркивается «скромность» празднования Нового года — хотя бы потому, что он приходится на Рождественский

пост. Ср.: «Празднуем скромно, тихо. Ставим на стол постные блюда» (Зап. от Инны, 1970 г.р., г. Долгопрудный); «Как таковой Новый год мы уже не празднуем, вечером в храме, а после приходим домой и за постной трапезой разговариваем и делимся тем, что случилось за год» (Зап. от А. Смирновой, 1988 г.р., г. Шатура). Другая информантка отмечает: «Семья с моего детства воцерковленная, но Новый год мы справляли, поскольку для меня это был праздник, подарки под елкой я ждала весь следующий год. Будучи сейчас взрослой, Новый год потерял те детские яркие впечатления, поэтому мы просто ждем боя курантов, что-нибудь перекусим (не нарушая Рождественского поста) и спать» (Зап. от Александры, 1987 г.р., г. Москва). Почти все православные люди соблюдают Рождественский пост во время новогоднего застолья, однако употребляют в этот день рыбу и вино, хотя это в принципе не разрешено церковным уставом. Большинство православных семей наряжают новогоднюю елку. Часто это делается для того, чтобы доставить удовольствие детям (Зап. от Н. Барышевой, 1976 г.р., г. Москва). Иногда, в соответствии с дореволюционной традицией, елку наряжают только в Рождественский сочельник. Некоторые люди сообщают, что они не празднуют Новый год вообще. Например, дочь священника рассказывает: «В моем детстве в нашей семье не было принято праздновать Новый год» (Зап. от Анастасии, 1984 г.р., г. Москва). Участник православного форума «Слово» Владимир, отрицательно относящийся к светским праздникам, пишет: «1 января по новому стилю связан с введенным Лениным григорианского латинского (еретического) календаря, календарь введен чтобы разрушить Церковь. Церковь празднует Новолетие 1 сентября по церковному православному календарю»³. Однако такое ригористическое отношение к празднованию Нового года — скорее исключение, чем правило.

Гражданский Новый год отмечен и в богослужебном календаре: вечером 31 декабря в российских церквях проводится новогодний молебен. В некоторых церквях служится ночная литургия, после которой проводится общая праздничная трапеза для семей духовенства, сотрудников храма и их друзей из числа прихожан (Зап. от Анастасии, 1984 г.р., г. Москва).

Судя по всему, эта традиция возникла в 1990-е гг.; А.И. Юренко полагает, что, «вероятно, первая ночная литургия была отслужена в 1995 г. в Москве в Сретенском монастыре» [Юренко 2011, 409]. Тем не менее, наши материалы позволяют сделать вывод, что подавляющее большинство православных людей посещает только новогодний молебен, а праздничную ночь проводит дома.

В целом празднование Нового года в православной среде приближается к дореволюционному или принятому в европейских странах — за вычетом того факта, что в современной России он приходится на период поста и, таким образом, предшествует празднику Рождества.

В православной среде несколько большее значение, чем среди светских россиян, приобрело празднование «старого» Нового года. Первые упоминания об этой традиции относятся уже к первому году после введения нового календаря: «Так и не знали, “праздновать” или нет “новый год”. Некоторые “встречали”, другие будут “встречать” по старому стилю — “Не хотим по-большевистски”» [Князев 1994, 148]. В дальнейшем обычай праздновать помимо григорианского юлианский Новый год вошел в городской обиход и дожил до наших дней. Автор может засвидетельствовать, что он всегда сохранялся в его семье, причем никто не придавал ему ни антисоветского, ни религиозного смысла. В современной православной среде эта дата популярна и из-за симпатий к дореволюционным традициям («*наш настоящий русский Новый год*») (Зап. от Е. Осиповой, 1983 г.р., г. Долгопрудный), и потому, что 13 января уже нет поста, наступили Святки и можно есть скоромную пищу и веселиться. По наблюдениям автора, в среде православной молодежи часто принято собираться на коллективное празднование Нового года вечером 13 января (в то время как 1 января празднуется в кругу семьи). Однако многие информанты говорят о том, что хотя и помнят о 14 января как о «старом» Новом годе, но никак не отмечают этот праздник.

Другой популярный советский праздник — 8 Марта — первоначально развился внутри левого и рабочего движения

[Kaplan 1985, 164–167]. В этот день в 1908 г. нью-йоркская женская социал-демократическая организация организовала большой митинг под лозунгом предоставления женщинам избирательных прав. В 1909 г. социалистическая партия Америки объявила «Национальный женский день», который отмечался вплоть до 1913 г. в последнее воскресенье февраля. Впервые его празднование проходило 23 февраля 1909 г. В 1910 г. делегатки из США прибыли в Копенгаген на Вторую Международную конференцию женщин-социалисток, где встретились с представительницами европейского левого движения. Узнав об инициативе американских товарищей, немецкие социалистки Луиза Зиц и Клара Цеткин предложили учредить Международный женский день. Первоначально он отмечался в разные весенние дни. Устойчивая связь этой даты с мартом, по видимому, возникла по аналогии с годовщинами Парижской коммуны (18 марта) и мартовской революции 1848 г. в Пруссии (18–19 марта). Причиной закрепления даты 8 марта стали события Февральской революции: волнения в Петрограде, приведшие к падению самодержавия, начались именно с женских манифестаций 23 февраля (8 Марта по новому стилю) 1917 г. [Там же, 170]. Именно после этих событий 8 марта становится общепризнанным женским праздником коммунистического движения. Женский день активно пропагандировался в СССР уже в 1920-е гг. Тогда он назывался Международным днем работниц и считался праздничным, хотя и не был выходным днем. К этому дню обычно приурочивались официальные выступления и мероприятия «женской» тематики [Карпова 2008, 112–113]. Таким образом, первоначально этот день мог восприниматься исключительно как один из «революционных праздников». Со временем он постепенно входит в повседневный быт советских людей. Так, наша информантка вспоминает, что они поздравляли преподавательниц в институте уже в конце 1950-х гг. (Зап. от М. В. Берестова, 1939 г.р., г. Москва). Однако до 1960-х гг. празднование было ограничено местом работы или учебы: «*Я помню, что маму всегда поздравляли на работе,*

³ URL: <http://forum-slovo.ru/index.php?topic=34357.0>. Здесь и далее орфография, пунктуация и стилистика источников сохранены.

а праздновать 8 марта дома казалось как-то странно, какой-то женский день, глупость какая-то» (Зап. от Л. В. Бессоновой, 1954 г.р., г. Москва). Выходным день 8 марта стал в 1965 г., после чего начинается его проникновение в домашний быт, и в позднем СССР он стал одним из важнейших праздничных дней. М. Рольф отмечает: «Международный женский день 8 марта является хорошим примером сочетания официального праздничного повода, приватной формы празднования и невольного ее превращения в общественный стандарт. Женский день, выдуманный Кларой Цеткин, пропагандировался большевиками уже в 1918 году, но и в 1920-е, и в 1930-е годы был не очень распространен. В 1965 г. значение женского дня резко возросло, после того как 8 марта и День победы были объявлены выходными днями <...> Но не официальные призывы к всемирной женской солидарности играли главную и основную роль в день 8 Марта. Этот праздник скорее служил поводом для собрания в узком кругу, обычно по месту работы, но всё больше и в семье. Аналогично западному дню матери это был день флористики» [Рольф 2009, 345].

Именно этот праздник вызывает наибольшую антипатию у православных людей. Обычно православные женщины ограничиваются тем, что принимают поздравления своих светских знакомых и поздравляют светских людей. Ср.: «8 марта не праздную, но поздравляю неверующих знакомых и родственников» (Зап. от Натальи, 1959 г.р., г. Долгопрудный); «8 марта не праздную, поздравления принимаю, если поздравляют. Считаю праздник надуманным, искусственным» (Зап. от И. А. Кадуриной, 1975 г.р., г. Долгопрудный); «Стараемся не праздновать, но если в школе или детском саду отмечают этот день, то нам приходится принимать в этом участие» (Зап. от Инны, 1970 г.р., г. Долгопрудный). Чем объясняется такая антипатия? Исторически подобное отношение, несомненно, возникло из-за того, что 8 марта изначально считали «революционным» и «большевистским» праздником — точно так же, как 1 мая или 7 ноября. День 8 марта потерял свой революционный смысл уже в 1970-е гг., однако его неприятие в православной среде сохранилось. Наши информанты приводят разные мотивировки своего неприятия. Во-первых,

большинство из них справедливо отмечают, что автором идеи этого праздника была Клара Цеткин, и связывают его происхождение с феминистическими и революционными идеями. Ср.: «К этому празднику отношусь безразлично, если не сказать с неприязнью. Почему? Не знаю. Так чувствую. Из-за Розы Люксембург и Клары Цеткин» (Зап. от Натальи, 1959 г.р., г. Долгопрудный). Другие говорят, что этот праздник почти всегда приходится на Великий пост. Одна из информанток добавляет, что «почти всегда он выпадает на день памяти Усекновения главы Иоанна Предтечи, в коем виновница была женщина» (Зап. от А. Смирновой, 1988 г.р., г. Шатура). Более точную информацию мы находим в другом высказывании: «9 марта празднуется Обретение главы Иоанны Предтечи. Иоанн Предтеча пострадал из-за женщины, грехи и неправедную жизнь которой он обличал. 8 марта получается как насмешка» (Зап. от Марины, 1968 г.р., г. Долгопрудный). В данном случае возникает аналогия между празднующими 8 Марта женщинами и Иродиадой, выпросившей у царя голову Предтечи. Кроме того, существует две версии, которые можно назвать «негативной мифологией» праздника 8 Марта. Некоторые русские православные, особенно националистически настроенные, уверены, что 8 Марта был придуман Кларой Цеткин с оглядкой на иудейский праздник Пурим. Еврейские праздники, как известно, отмечаются по лунно-солнечному календарю и в разные годы приходятся на разные даты. Пурим празднуется в конце февраля — начале марта и действительно может выпадать на 8 Марта. Кроме того, главной героиней этого праздника является женщина, царица Эстер. Важным аргументом в пользу этой соотнесенности считают еврейскую национальность Клары Цеткин, что на самом деле не соответствует действительности. Сама идея того, что русских людей заставляют праздновать еврейский праздник, явно апеллирует к печально известной концепции еврейского заговора, тем более что Пурим традиционно имеет негативные коннотации в христианской традиции. Предположение о связи 8 марта с Пуримом возникло еще в советское время в кругах православных диссидентов. Например, участник православного форума «Слово» Виктор (Victor 325) рассказывает, что

«встречал эту версию» среди антисемитов в православном семинаре, в 1980–1987 гг. собиравшемся на квартире Л. В. Большова [Самиздат 2003, 109]. Широкое распространение эта версия получила после выхода книги известного публициста диакона А. Кураева «Как делают антисемитом»: он изложил свои аргументы в пользу связи с Пуримом 8 марта и даже 23 февраля [Кураев 1998, 100–133]. Другая «негативная мифологическая» версия заключается в том, что день 8 марта изначально был профессиональным праздником проституток. Такие утверждения автору самому доводилось слышать уже в конце 1990-х гг. В этой идее можно усмотреть как критику феминизма, так и простое желание создать у православных женщин негативное отношение к этому дню, связав его с абсолютной неприемлемой для них социальной ролью.

С другой стороны, некоторые православные женщины все-таки празднуют 8 Марта, потому что не видят в этом ничего плохого, не верят в его «негативную мифологию» и просто хотят, чтобы их поздравили. Тенденция к «реабилитации» праздника 8 Марта в глазах православных россиян несколько усилилась в последние годы, что, в частности, отражается в публикациях популярного сайта «Православие и мир»⁴. При этом более позитивно относятся к 8 Марта люди с либеральными взглядами, а более негативно — с консервативными. Некоторые мужчины поздравляют женщин с этим праздником под влиянием светского окружения. Так, один из наших информантов рассказывает: «Поздравляю жену, тещу, маму, дочек. Отношусь к нему не исторически, а просто как лишний раз обратить внимание на женский пол» (Зап. от Н. А. Лузанова, 1982 г.р., г. Москва). Иногда мотивом поздравления женщин с 8 Марта является то, что православным женщинам будет обидно, если их не поздравят. Участник православного форума «Слово» Андрей Иванович пишет: «8 марта никак не празднуем, но в семье дарим женскому полу в этот день цветы без всякого праздника, чтобы не искушались завистью»⁵. Судя по всему, неоднозначное отношение православных женщин к 8 Марта ставит окружающих их мужчин в сложную ситуацию — с одной

стороны, поздравления могут оказаться некстати, с другой — их отсутствие может быть воспринято как невнимание.

23 февраля в советской традиции является параллельным с 8 Марта «мужским днем». Его происхождение достаточно курьезно. Красная армия была создана 28 января 1918 г. В 1919 г. планировалось празднование издания декрета СНК об образовании Красной армии, однако из-за ряда технических причин его пришлось перенести на 23 февраля [Миронов 1994, 41]. В 1922 г. традиция празднования этого дня возобновилась; в постановлении Президиума ВЦИК 1923 г. 23 февраля ошибочно именуется «пятой годовщиной создания Красной армии». Впоследствии предпринимались другие попытки оправдать эту дату. И. В. Сталин в 1942 г. назвал 23 февраля днем победы Красной армии над немцами под Псковом и Новгородом. Другой популярной в советской историографии версией было определение 23 февраля как «дня массовой мобилизации трудящихся на защиту социалистического Отечества» [Мавродин 1972, 122]. В российский календарь этот праздник вошел как День защитника Отечества. Таким образом, выбор даты празднования является откровенно случайным; тем более скандален тот факт, что именно 23 февраля 1918 г. ЦК РСДРП(б) принял немецкий ультиматум о заключении мира на германских условиях. Однако отношение к 23 февраля в православной среде куда более лояльное, чем к 8 марта. Общепринятой нормой считается поздравлять военных. Многие наши информанты делают акцент на этом дне именно как дне армии, отрицая его трактовку как общего «мужского дня»: «Поздравляю только служащих или служивших в армии. Отношусь к этому дню как к профессиональному дню армии» (Зап. от о. Иоанна, 1987 г.р., г. Долгопрудный). Более негативно относятся к этому празднику православные мужчины, которые считают празднование годовщины капитуляции большевиков перед наступающими немцами довольно странным и неуместным. Тот же Андрей Иванович пишет: «23 февраля поздравляем только тех, у кого это профессиональный праздник, хотя отлично понимаем, что день праздника выбран крайне

⁴ См. характерные названия размещенных там статей: «К 8 марта. О рыцарстве»; «8 марта — внимание, теплота, забота».

⁵ URL: <http://forum-slovo.ru/index.php?topic=34357.0>

неудачно, ибо исторически эти дни были поражением и разложением русской армии большевиками»⁶. Женщины зачастую вообще не знают, откуда взялся этот праздник, и относятся к нему нейтрально или позитивно. Некоторые информантки объясняют это так: «...надо же хотя бы когда-то поздравлять мужчин» (Зап. от А. Борискиной, 1972 г.р., г. Москва). Дочь православного священника рассказала, что в их семье отношение к этому празднику было вполне нормальным: ее мама говорила, что 23 февраля — день памяти Дмитрия Солунского, который сам был воином. В детстве она всегда поздравляла мальчиков из класса и дарила им открытки с дореволюционными патриотическими сюжетами (Зап. от Анастасии, 1984 г.р., г. Москва). Здесь мы видим попытку вписать День защитника Отечества в православный календарь — не слишком обоснованную, поскольку на самом деле 24 февраля празднуется память св. Дмитрия Прилуцкого, а не св. Дмитрия Солунского. Впрочем, встречаются и отзывы, в которых выражено отсутствие интереса к этому празднику: «23 февраля уже не праздную. Никого не поздравляю и смысла не вижу» (Зап. от Натальи, 1959 г.р., г. Долгопрудный).

Почему отношение к 8 Марта в современном православном обществе более негативное, чем к 23 февраля? Ведь оба праздника были введены в русскую традицию по инициативе большевиков и были связаны с событиями из истории революционного движения и становления советской власти. Можно привести три возможные причины этого факта. Во-первых, 8 Марта в советском и российском календаре праздников явно играет большую роль, чем 23 февраля, потому именно на него направлен основной огонь критики. Во-вторых, в православной среде женщины численно преобладают над мужчинами, следовательно, центральным оказывается вопрос о праздновании женского дня. В-третьих, 23 февраля может восприниматься как чисто профессиональный праздник, о чем мы уже писали выше. Наконец, 23 февраля связано с традиционной мужской социальной ролью воина и защитника, а в случае с 8 Марта такая позитивная связь с традиционными женскими социальными ролями отсутствует.

Отрицая светский праздник 8 Марта, православная традиция предлагает ему замену — Неделю (воскресенье) жен-мироносиц, приходящуюся на третье воскресенье (пятнадцатый день) после Пасхи. Большинство православных людей соглашается с тем, что это «православный женский день». Почитание Дня жен-мироносиц как женского праздника восходит к славянской фольклорной традиции. Еще этнограф С.В. Максимов отмечал: «Под Москвой этот женский праздник выражается в том, что храмы бывают переполнены замужними женщинами, вдовами и девушками гораздо больше, чем во всякой иной праздничный день, и при этом каждая из молящихся подходит к кресту, христосуется со священником и дает ему яйцо, подобно тому, как на утрени светлого воскресения тот же обряд исполняют исключительно мужчины» [Максимов 1995, 586]. В других местностях, например в Орловской губ., к этому дню приурочивались кумление и женские братчины, часто напоминавшие троицкие обряды. По мнению Т.А. Агапкиной, «...у русских общепринятым женским праздником считалось 2-е воскресенье после Пасхи — день жен-мироносиц (Маргостья, Маргоски, Маргоносыя, Ромоносыя, Жемараносты) <...> В этот день женщины не работали, собирались вместе и в складчину устраивали пир (как на девичьих праздниках, с обязательной яичницей)» [Агапкина 2002, 493]. Таким образом, День жен-мироносиц был одним из традиционных праздников, маркирующих определенные половозрастные группы сельского коллектива. Однако в советскую эпоху в семьях православного духовенства и верующих мирян он был переосмыслен и стал восприниматься как возможная альтернатива официальному женскому празднику 8 Марта. Так, священник из г. Галича Костромской обл. рассказывает: «8 марта для каждой нормальной женщины оскорбление, конечно. У нас настоящий женский праздник — День Жен-мироносиц. <...> Естественно, день женского сердца, всегда поздравляли всех своих близких. <Соб.: То есть советское время тоже?> Конечно. Это свой ведь круг, это ведь не то что мы там...» (Зап. от о. Александра (Шастина), 1961 г.р.,

⁶ URL: <http://forum-slovo.ru/index.php?topic=34357.0>

г. Галич). Информантка из Москвы, выросшая в воцерковленной православной семье, вспоминает, что «8 марта мама не почитала, она говорила: Жены-мироносицы — это женский праздник» (Зап. от Н. В. Хаустовой, 1950 г.р., г. Москва).

В 1990-е гг. День жен-мироносиц становится популярной православной альтернативой 8 Марта по всему СНГ. Многие женщины поздравляют друг друга с этим праздником, дарят друг другу небольшие подарки. Одна информантка рассказывает, что поздравляет с этим праздником даже светских коллег (Зап. от А. Борискиной, 1972 г.р., г. Москва). Другая на вопрос о «православном аналоге» 8 Марта отвечает: «Аналогом 8 марта в Церкви является Неделя Жен-мироносиц, этот день считаю своим “женским” праздником. Радуюсь, если меня поздравляют в этот день» (Зап. от И. А. Кадуриной, 1975 г.р., г. Долгопрудный). Большинство наших информантов отмечает, что обязательно поздравляет с этим праздником православных родственниц, подруг и приятельниц.

То, насколько важным является День жен-мироносиц, зависит от традиций конкретного прихода. Если настоятель поддерживает эту традицию, то она становится важной и для прихожан. Так, например, в московском Донском монастыре особых поздравлений прихожанкам не проводится, зато наместник устраивает праздничный обед для сотрудниц монастыря. В некоторых приходах проходит настоящий праздник. Например, одна информантка сообщает: «У нас на приходе в День Жен-мироносиц устраивается праздничная трапеза с поздравлением для сотрудниц храма. Раньше еще после службы настоятель дарил каждой прихожанке по цветочку, когда они подходили к кресту» (Зап. от Е. Осиповой, 1983 г.р., г. Долгопрудный). В храме Рождества Христова в Павлово-Посадском р-не Московской обл. священники поздравляют всех прихожанок и дарят подарки сотрудницам храма и «особо уважаемым прихожанкам» (Зап. от Анастасии, 1984 г.р., г. Москва). Таким образом, День жен-мироносиц действительно воспринимается как православный женский праздник. Впрочем, некоторые информанты отмечают, что скорее знают о традиции «православного женского дня», чем реально празднуют его. Иногда встречаются и вовсе критические отзывы.

Так, один из наших информантов на вопрос о его отношении к определению Дня жен-мироносиц как «православного женского дня» отвечает: «Заменять его общеженским днем — бред. Это конкретный православный день» (Зап. от Н. А. Лузанова, 1982 г.р., г. Москва).

Еще один праздник, вошедший в календарь в советское время, — 9 мая. День Победы был праздничным днем в первые послевоенные годы, затем он исчез из государственного календаря и снова стал нерабочим только в 1965 г. Эта дата признается и празднуется подавляющим большинством православных людей. В данном случае позиция воцерковленных людей не отличается от взглядов остальных россиян. Во всех российских храмах 9 мая служит благодарственный молебен «О победе над фашистской Германией» и панихида по воинам, погибшим на полях Великой Отечественной войны. Одна наша информантка отмечает, что у нее 9 мая ассоциируется с праздником Пасхи (Зап. от Е. Осиповой, 1983 г.р., г. Долгопрудный). Тем не менее следует отметить, что дома этот день чаще празднуют те, у кого еще живы родственники, помнящие войну. Остальные люди обычно ограничиваются посещением мероприятий и мест, связанных с памятью о войне или родственниках — участниках войны. Информантка рассказывает: «Ходим на Поклонную гору или еще куда-нибудь, и то не каждый год в этот день. А так не празднуем, только на панихидах ходим» (Зап. от Александры, 1987 г.р., г. Москва).

Таким образом, отношение православных людей к определенному светскому празднику складывается под влиянием целого ряда факторов. Это происхождение праздника, его соотнесенность с традиционной системой ценностей и с церковным календарем. Сдержанное отношение православных людей к светским праздникам сложилось еще в советскую эпоху, когда большая часть новых праздников была противопоставлена традиционным праздникам Православной церкви. В настоящее время столь жесткого противостояния не наблюдается, однако определенная степень неприятия светских дат православными людьми сохраняется. Это объясняется и сложившимися в советское время традициями, и сложностью совмещения празднования светских праздников с церковным

календарем, и желанием каким-то образом обособиться от нерелигиозного общества. С другой стороны, нельзя сказать, что православные люди абсолютно единодушны в этом вопросе: некоторые считают сознательный отказ от празднования светских

праздников неуместным противопоставлением себя остальным россиянам. Наиболее существенным остается то, что православные россияне воспринимают как главные календарные даты религиозные, а не светские праздники.

Литература

Агапкина 2002 — Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

Ардов 2006 — Ардов М. Мелочи архи... прото... и просто иерейской жизни / Узелки на память (книга-перевертыш). М., 2006.

Бессонов 2010 — Бессонов И. А. Русская эсхатологическая легенда — источники, сюжетный состав, поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Душечкина 1995 — Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ. Становление жанра. СПб., 1995.

Душечкина 2002 — Душечкина Е. В. Русская елка. История, мифология, литература. СПб., 2002.

Карпова 2008 — Карпова Г. Праздник в контексте социальных изменений: традиция и власть. Саратов, 2008.

Князев 1994 — Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента (1919–1922 гг.) // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994.

Кураев 1998 — Кураев А. Как делают антисемитом. М., 1998.

Кучерская 1997 — Кучерская М. А. Русский святочный рассказ и проблема канона в лите-

ратуре нового времени: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

Мавродин 1972 — Мавродин В. В. «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет». М., 1972.

Максимов 1995 — Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995.

Милютин 1997 — Милютин Т. П. Люди моей жизни. Тарту, 1997.

Миронов 1994 — Миронов В. 23 февраля. История фальсификации // Новый часовой. 1994. № 1. С. 39–42.

Рольф 2009 — Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009.

Самиздат 2003 — Самиздат Ленинграда: 1950–1980-е. Литературная энциклопедия. М., 2003.

Соколова 1999 — Соколова Н. Н. Под кровом Всевышнего. М., 1999.

Тарабукина 1999 — Тарабукина А. В. Фольклор и культура прицерковного круга: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.

Юренко 2011 — Юренко А. И. Праздники в современном православном приходе (на примере Рождества и Нового года) // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. М., 2011. С. 399–435.

Kaplan 1985 — Kaplan T. On the socialist origins of International Women's Day // Feminist Studies 11. 1985. № 1. P. 163–171.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, независимый исследователь: Российская Федерация, Москва; e-mail: himins@yandex.ru

FESTIVITY CULTURE IN THE RELIGIOUSLY DEVOUT ORTHODOX MILIEU: RECEPTION OF SECULAR HOLIDAYS

IGOR' BESSONOV

(Independent researcher: Moscow, Russian Federation)

Summary. The subject of the article is the attitude of religiously devout orthodox people towards secular holidays, that are popular in contemporary Russia, namely, New Year, the 23th of February, the 8th of March, the 9th of May. Tradition of celebrating these days formed during the Soviet times, to a large extent it was promoted as an alternative opposed to traditional church calendar. For this reason, orthodox people took rather critical stance towards these new traditions. This attitude has persisted even after the collapse of the Soviet Union.

In the paper the reception of each secular holiday is successively analyzed. New Year as a central holiday of the year appeared in the 1930s on the basis of rethought urban Christmas traditions. For this reason orthodox people's attitude to this holiday has always been rather reserved: usually it's celebrating consists only in modest family table. The 8th of March, which had been established as the holiday of the left feminist movement has become generally accepted «Women's Day» in the post-war USSR has even more negative connotations. Religiously devout orthodox women usually refuse to celebrate this holiday. They adhere to their own alternative date of female glorification — Sunday of the Myrrh-bearing Wives. Reception of this date as women's holiday has its roots in Russian folk tradition. The 23th of February, generally accepted as paired to 8th of March «Men's Day», is considered not so negative — it's generally accepted as professional military holiday. Orthodox people's reception of the 9th of May, the Victory day, which contains no historical connections with communist ideology, has not any differences from other Russians.

Key words: *orthodoxy, holidays, New Year, the 8th of March, Sunday of the Myrrh-bearer Wives.*

References

Agapkina T. A. (2002) Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenno-letniy tsikl [Mythopoetic Basis of the Slavic Folk Calendar. Spring-Summer Cycle]. Moscow. In Russian.

Ardov M. (2006) Melochi arkhi... proto... i prosto iereyskoy zhizni [Little Nothings of Life as an Eparch... a Protopope or a simple Priest]. *Uzelski na pamyat' (kniga-perevertysih)* [Mental "knots" (A Palindrome Book)]. Moscow. In Russian.

Bessonov I. (2010) Russkaya eskhatalogicheskaya legenda — istochniki, syuzhetnyy sostav, poetika [Russian Eschaton Legend: Sources, Plots, Poetics]. PhD Thesis (Philology). Moscow. In Russian.

Dushechkina E. V. (1995) Russkiy svyatochnyy rasskaz. Stanovlenie zhanra [Russian Yuletide Novel. Genre Development]. St. Petersburg. In Russian.

Dushechkina E. V. (2002) Russkaya elka. Istoriya, mifologiya, literatura [Russian Christmas Fir-Tree. History, Mythology, Literature]. St. Petersburg. In Russian.

Yurenko A. I. (2011) Prazdniki v sovremennom pravoslavnom prikhode (na primere Rozhdestva i Novogo goda) [Holidays of the Contemporary Orthodox Parish (Exemplified in the Christmas and the New Year)]. *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoyashchemu* [Church Fetes of the Russian Nation: From the Past to Nowadays]. Moscow. Pp. 399–435. In Russian.

Kaplan T. (1985) On the Socialist Origins of International Women's Day. *Feminist Studies* 11. 1985. No. 1. Pp. 163–171. In English.

Karpova G. (2008) Prazdnik v kontekste sotsial'nykh izmeneniy: traditsiya i vlast' [Holiday in the Context of Social Transformations: Tradition and Authority]. Saratov. In Russian.

Knyazev G. A. (1994) Iz zapisnoy knizhki russkogo intelligenta (1919–1922 gg.). *Russkoe proshloe: Istoriko-dokumental'nyy al'manakh* [Russian Past: Historical Nonfiction Almanac]. Book 5. St. Petersburg. In Russian.

Kuraev A. (1998) Kak delayut antisemitom [How Do They Force a Person to Become a Jew-baiter]. Moscow. In Russian.

Kucherskaya M. A. (1997) Russkiy svyatochnyy rasskaz i problema kanona v literature novogo vremeni [Russian Yuletide Novel and the Problem of Canon in the Literature of Modern Age]. PhD Thesis (Philology). Moscow. In Russian.

Mavrodin V. V. (1972) «Kto s mechom k nam voydet, ot mecha i pogibnet» [“Those who Enter to Us with a Sword, Are Doomed to Perish by the Sword”]. Moscow. In Russian.

Maksimov S. V. (1995) Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila [Devilry, Great Unknown and the Cross Power]. Smolensk. In Russian.

Milyutina T. P. (1997) Lyudi moey zhizni [People in My Life]. Tartu. In Russian.

Mironov V. (1994) 23 fevralya. Istoriya fal'sifikatsii [The 23rd of February. History of Falsification]. *Novyy chasovoy* [New Sentry]. 1994. No. 1. Pp. 39–42. In Russian.

Rolf M. (2009) Sovetskie massovye prazdniki [Soviet Mass Holidays]. Moscow. In Russian.

Samizdat Leningrada: 1950-e — 1980-e. Literaturnaya entsiklopediya [Self-published Books of Leningrad the City in 1950s — 1980s. Encyclopedia of Literature] (2003). Moscow. In Russian.

Sokolova N. N. (1999) Pod krovom Vsevyshnego [Under the Shelter of God]. Moscow. In Russian.

Tarabukina A. V. (1999) Fol'klor i kul'tura pritrerkovnogo kruga [Folklore and Culture of the Community Round the Church]. PhD Thesis (Philology). St. Petersburg. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: himins@yandex.ru

Moscow, Russian Federation

PhD (Philology), independent researcher